

СОСЕДИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И НОРВЕГИИ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «АСИММЕТРИЧНОЕ СОСЕДСТВО...»)

NEIGHBOURS IN THE FAR NORTH: HISTORICAL CONNECTIONS BETWEEN RUSSIA AND NORWAY (INTERNATIONAL SCHOLAR CONFERENCE ON THE RESULTS OF THE RUSSIAN-NORWEGIAN RESEARCH AND PUBLISHING PROJECT *ASYMMETRIC NEIGHBOURHOOD*)

По случаю издания масштабной коллективной монографии «Сближение: Норвегия и Россия, 1814–1917» на русском языке¹ в Мурманском арктическом государственном университете 26 апреля 2018 г. состоялась научная конференция, на которой участники большого российско-норвежского проекта «Ассиметричное соседство: Норвегия и Россия 1814–1917 гг.» подвели некоторые итоги исследовательской работы и ознакомили с её результатами региональную общественность.

Организаторами конференции выступили Институт всеобщей истории РАН (Москва), Мурманский арктический государственный университет (Социально-гуманитарный институт) и Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии (Институт археологии, истории, религиоведения и теологии, Баренц-институт).

Работу конференции открыл ректор МАГУ д. филос. н. А. М. Сергеев, подчеркнувший важную роль изучения истории российско-норвежских отношений для укрепления сотрудничества университета с научными и образовательными учреждениями Норвегии. Участников конференции тепло приветствовали Генеральный консул РФ в Киркенесе С. В. Шатуновский-Бюрно и Генеральный консул Королевства Норвегии в Мурманске Эрик Сведал. Радина Тренгерейд, Советник по образованию, науке и технологии Посольства Королевства Норвегии в Москве, в своём выступлении отметила значимость научных результатов и ценность опыта взаимодействия, полученного учёными двух стран в названном выше крупнейшем и наиболее протяженным по времени (2008–2014 гг.) за всю историю сотрудничества проекте².

¹ Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Пер. с норв.; под ред. Й. П. Нильсена. М., 2017. Первоначальное норвежское издание: *Russland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917*. Oslo, 2014.

² Ретневский А. В. The Modern History of the Russian-Norwegian Relations We Wrote Together: (Joint Scientifically-Historical Projects of the Norwegian and Russian Historians. 1991–2015) // История. Электронный научно-образовательный журнал [Электронный ресурс]. 2017. Т. 8, вып. 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. URL: <https://history.jes.su/s207987840001849-2-1> (24.12.2018).

Первую сессию открыл доклад профессора Й. П. Нильсена «Великая российская революция и её последствия для Норвегии». Автор сосредоточил внимание, во-первых, на истоках и причинах роста массовости и организованности норвежского рабочего движения в конце XIX — начале XX в., а, во-вторых, на особой восприимчивости местных социалистов к радикальным идеям большевиков и воодушевляющему влиянию на них примера Октябрьской революции в России.

Профессор Нильсен в своём выступлении охарактеризовал ход и итоги дискуссии скандинавских историков, которые рассматривали особенности пути, пройденного норвежскими рабочими и социалистами. Он привёл и проанализировал разные точки зрения на проблему. Заслуживают внимания схожесть условий формирования рабочего движения двух стран. Россия и Норвегия воспользовались «преимуществом отсталости» — возможностью использовать готовые производственные технологии и управленческие формы, что ускорило рост промышленности и способствовало высокому уровню концентрации рабочей силы. Другим обстоятельством, общим для двух стран, стал тот факт, что и норвежские, и русские рабочие были недавними выходцами из деревни с её общинными уравнительными традициями.

Профессор Нильсен указал также, что возможна и иная трактовка проблемы. Она предлагает искать причины радикализма в особых условиях начального этапа индустриализации Норвегии, когда временный характер занятости часто толкал рабочих к силовым акциям вместо ведения затяжных переговоров с администрацией и хозяевами.

Во многом благодаря этим обстоятельствам Норвежская рабочая партия пережила в своей ранней истории уникальный период. Она стала единственной социалистической партией не только в Скандинавии, но и в Европе, которая в 1918 г. приняла программу революционного захвата власти³. Это спровоцировало разрыв с правыми, умеренными деятелями, настроенными исключительно на мирные реформы и парламентскую деятельность. В дальнейшем, когда Норвежская рабочая партия вышла из Коминтерна, что повлекло новый раскол в её рядах, группа левых, убеждённых сторонников политики русских большевиков, учредила самостоятельную норвежскую компартию, противостоящую

³ Близкие позиции занимала Итальянская социалистическая партия (1892–1994). В годы Первой мировой войны она единственная из западных социал-демократических партий осталась на антивоенных позициях; принимала участие в Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференциях социалистов-интернационалистов. После Октябрьской революции 1917 г. левые социалисты выдвинули лозунг «Сделать, как в России». В 1921 г. они вышли из партии и создали Итальянскую коммунистическую партию. В 1919 г. так называемые максималисты во главе с Дж. М. Серрати заявили о присоединении Итальянской социалистической партии к Коммунистическому интернационалу.

реформистскому крылу. В конечном счёте, власти Норвегии, комбинируя силовые методы с уступками, сумели стабилизировать политическую ситуацию в стране.

Интересно заметить, что норвежские революционные социалисты рассчитывали, как и русские социал-демократы (большевики и часть меньшевиков), на победу революции в Германии, которая должна была бы стать решающим толчком к мировой революции. Однако русские большевики, в отличие от норвежских товарищей, оказались не склонны к пассивному ожиданию. Они полагали, что победа пролетариата в России будет способствовать успеху революции и в Германии.

Профессор В. В. Тевлина (Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии и Северный Арктический (Федеральный) университет) посвятила выступление ценностному подходу в изучении российско-норвежских отношений. («Люди как ценность в сохранении добрососедских связей между Россией и Норвегией»). Автор хронологически ограничилась рамками XX — начала XXI вв., взяв за отправную точку 1905 г. — время появления на политической карте мира независимого норвежского государства.

Для раскрытия темы докладчик применила приём персонификации, обратившись к личностям тех деятелей, кто играл или продолжает играть существенную роль в укреплении двустороннего сотрудничества в самых разных сферах деятельности — политике, науке и дипломатии. В. В. Тевлина дала сжатую характеристику вклада самых разных деятелей в развитие двустороннего сотрудничества — дипломатов (посланник императорской России в Кристиании К. Н. Гулькевич, посол Норвегии в Москве Э. Нордшлеттен, генеральный консул РФ в Киркенесе А. И. Смирнов), выдающихся учёных (Фритъоф Нансен, филологи О. Брок и В. П. Берков, историк А. С. Кан), норвежских предпринимателей, вложивших свой труд и капитал в Россию (Мартин Ульсен, Эгиль Абрахамсен, Йонас Лид). По мнению автора, творческий труд этих выдающихся людей и сохранение памяти о них — хорошая основа дружественных трансграничных отношений и позитивного взаимного восприятия.

А. А. Комаров, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН / проф. Университета Тромсе — Арктического университета Норвегии, представил вниманию аудитории доклад «Норвегия в публикациях советского времени». Автор подчеркнул, что в библиографическом указателе, помещённом в сборнике «Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.)»⁴

⁴ Библиографический указатель источников и научно-исследовательской литературы по истории Норвегии и российско-норвежских отношений, XIX–XXI вв. / Сост. А. С. Касиян // Россия и Норвегия: Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.) / Отв. ред. А. А. Комаров. М., 2012. С. 172–245.

перечислено 1115 публикаций различного рода. Поскольку подробно охарактеризовать их невозможно, докладчик остановился на тенденциях и направлениях в публикаторской активности⁵ советского времени, посвящённой истории и политике независимой Норвегии.

В период между двумя мировыми войнами советско-норвежские отношения, равно как отношения СССР с другими Скандинавскими странами, не пользовались вниманием советских историков и обществоведов, поскольку сама история межгосударственных отношений была ещё не велика да и норвежское направление не являлось приоритетным в сфере советских интересов. Однако существовали и исключения из указанной общей тенденции. В частности, Советская Россия обратила пристальное внимание на передачу в 1920 г. Шпицбергена и острова Медвежий под норвежский суверенитет. Кроме того, в фокусе интересов двух стран (особенно в 1920-е гг.) находились политические и экономические проблемы, связанные с разграничением в Арктике. И наконец, активность норвежской секции Коминтерна способствовала появлению публикаций (преимущественно статей норвежских авторов) о норвежском рабочем движении и внутренней политике страны.

С началом Второй мировой войны в СССР возросла востребованность знаний о европейских странах, в том числе и о Норвегии. В военное время, например, из печати вышло несколько изданий политико-экономического очерка А. С. Доброва «Норвегия», появились и другие публикации⁶.

После окончания войны в Советском Союзе начался новый этап в изучении Норвегии. Это было вызвано возросшим влиянием Советского государства на внешнеполитической арене, началом «холодной войны» и становлением биполярной системы. Советский Союз, ставший сверхдержавой, нуждался в знаниях о странах и событиях во всех точках земного шара, но в особенности — о своих соседях. Защищались диссертации по истории Норвегии, появились публикации, в которых затрагивалась внешняя политика страны, а также советско-норвежские отношения. По мере развития советской скандинавистики росло и количество публикаций, посвящённых истории Норвегии и советско-норвежским связям, а также актуальным вопросам отношений двух стран. Разумеется, все эти исследования советского времени выполнялись в соответствии с требованиями марксистской исторической науки, в них также учитывалась политическая конъюнктура.

⁵ Этот термин в связи с ростом влияния наукометрии стал часто употребляться в последние годы.

⁶ Подробнее см.: *Камапов А. А.* Об изучении истории советско-норвежских отношений в СССР / России // Там же. С. 13–30.

В заключение выступления А. А. Комаров подчеркнул, что многие публикации советского времени были подготовлены на высоком научном уровне и не утратили своего значения до сих пор. В этой связи следует прежде всего назвать коллективную монографию «История Норвегии», вышедшую под редакцией выдающегося историка-скандинависта Александра Сергеевича Кана. Труд, подготовленный в Институте всеобщей истории АН СССР и изданный в 1980 г.⁷, представляет собой результат успешного развития советской скандинавистики в области изучения истории Норвегии. Благодаря своему высокому качеству он востребован до сих пор.

К. и. н. О. А. Зимарин как генеральный директор и главный редактор издательства «Весь Мир» (Москва), опубликовавшего книгу «Сближение»⁸ выступил с докладом «Книги о Норвегии в современной России». Автор отметил, что его книгопечатная организация представила книгу на проводимый Ассоциацией книгоиздателей старейший в стране конкурс «Лучшая книга России» в номинации «Диалог культур». В этом факте красноречиво отражена положительная оценка научного и популяризаторского потенциала издания и плодотворного сотрудничества ученых обеих стран.

Выступающий представил широкую панораму деятельности независимого научного издательства «Весь Мир», которое сотрудничает с ООН и другими международными организациями. Руководители его ставят задачей содействовать диалогу учёных и мыслителей разных стран путём издания переводов с более чем 30 языков стран мира, издания работ российских и иностранных учёных. Одно из основных направлений — литература стран Северной Европы и книги о них. При этом, подчеркнул О. А. Зимарин, «мы особенно высоко ценим норвежскую научную книгу». Интерес к ней привили прежде всего сочинения сотрудников Института всеобщей истории — в их числе В. В. Рогинского, Т. Н. Джаксон и др. За последние двадцать лет на свет появилось и немало переводов исторических сочинений норвежских авторов⁹. Среди них «История Норвегии»¹⁰, «История внешней политики Норвегии» Улава Ристе¹¹, публикация воспоминаний Йонаса Лида¹² с предисловием Йенса Петтера Нильсена, книги

⁷ История Норвегии / Отв. ред. А. С. Кан. М., 1980.

⁸ См. сноску 1.

⁹ Докладчик выделил среди общей массы как наиболее актуальные следующие издания: Эриксен Т. Х. Тирания момента: Время в эпоху информации / Пер. с норв. Е. С. Рачинской и др.. М., 2003; Сисе Х. Справедливая война?: О военной мощи, этике и идеалах / Пер. с норв. М., 2007.

¹⁰ Даниельсен Р., Дюрвик С., Гренли Т. и др. История Норвегии: От викингов до наших дней / Пер. с англ. М. А. Коробочкина. М., 2003.

¹¹ Ристе У. История внешней политики Норвегии / Пер. с англ. М. А. Коробочкина. М., 2003.

¹² Лид И. Сибирь — странная ностальгия: Автобиография / Пер. с норв. С. А. Машкова. М., 2009.

Марианны Солейм (Сулейм) о советских военнопленных в Норвегии¹³. Видное место в этом ряду занимает теперь и книга «Сближение».

В современной России интерес к Норвегии традиционно велик, о чём свидетельствует статистика переводов. По данным Российской книжной палаты, за период с 1995 по начало 2018 г. в России было издано около 800 книг норвежских авторов. Поэтому книги российских авторов, полностью или частично посвящённые норвежской проблематике, и книги норвежских авторов, вне зависимости от того, о чём в них идёт речь, представлены на российском рынке неплохо. В том, что норвежские авторы выглядят в России более внушительно, немалую роль, по мнению О. А. Зимарина, играет деятельность агентства НОРЛА¹⁴, которое осуществляет финансовую поддержку переводов на иностранные языки. Если же говорить о причинах повышенного интереса современных российских представителей социальных наук к Норвегии, считает автор доклада, то следует признать очевидный факт: скандинавская модель служит для многих ориентиром, а норвежский опыт созидания «общества всеобщего благоденствия» особенно привлекателен.

Остаётся при этом невыясненным вопрос о книгах о России и русских авторах, издаваемых в Норвегии. По мнению О. А. Зимарина, здесь наблюдается очевидная асимметрия. Если не считать переводов русской литературы на норвежский (о чём написал профессор Э. Эгеберг¹⁵ в книге «Россия и Норвегия. Физические и символические границы»¹⁶), в России существенно больше публикуют норвежских авторов, пишущих в жанре *non fiction*, чем наоборот. И если такие работы российских авторов публикуются, то в основном в совместных норвежско-российских сборниках статей и иных изданиях.

В. А. Карелин, к. и. н., доцент МИЭ и научный руководитель Центра региональных исследований, предложил вниманию аудитории доклад «Динамика российско-норвежских отношений накануне и во время Первой мировой войны». Автор считает изучение российско-норвежских отношений конца XIX — начала XX в. относительно молодым направлением исследований. Серьезный импульс ему придало сотрудничество в российско-норвежском проекте «Асимметричное

¹³ Солейм М. Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах: численность, организация и репатриация. М., 2012.

¹⁴ NORLA (осн. 1978) — *Norwegian Literature Abroad*. Агентство распространяет норвежскую литературу за границей посредством субсидирования переводов. Руководит деятельностью и финансирует его Министерство культуры Норвегии.

¹⁵ Erik H. Egeberg (р. 1941) — профессор-эмеритус русской литературы (Институт лингвистики и культурологии Арктического университета Норвегии г. Тромсё).

¹⁶ Egeberg E. *Cultures in Contact: translation between Russian and Norwegian // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders* / Ed. by T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 128–135.

соседство». Оно позволило объединить усилия историков и получить качественно новые результаты, открыть пласты новых источников.

Норвегия в российской политике имела до 1905 г. незначительный удельный вес не только в силу скромных ресурсов страны (людских, природных, промышленно–технологических и финансовых), географической удалённости (исключение — примерно стокилометровая граница на Крайнем Севере по реке Паз). Кроме того, Норвегия, в отличие от великих держав, обладала, по выражению современных политологов, ограниченной политической субъектностью. Во внешних делах страна зависела от Стокгольма. Как составная часть дуалистического королевства она представляла собой дипломатическую провинцию Европы.

Российский генштаб, по оценке докладчика, рассматривал Норвегию лишь как слабый военный резерв германофильской Швеции, поскольку последняя могла представлять потенциальную угрозу имперской столице, Петербургу. В экономических связях беспокойство руководителей министерства финансов вызывали лишь попытки норвежских рыботорговцев преодолеть высокий таможенный барьер и проникнуть на внутренний российский рынок. Министерство внутренних дел было озабочено норвежской промысловой экспансией и браконьерством в водах побережья Мурмана и Новой Земли. В приграничных отношениях проблемными являлись положение печенгских саамов и норвежских колонистов.

Геополитическая ситуация на Севере Европы радикально изменилась в 1905 г. Норвегия обрела, наконец, полный политический суверенитет, а Россия, ослабленная неудачной войной с Японией, остро нуждалась в укреплении безопасности своих северных границ. Поэтому официальный Петербург с самого начала желал видеть Норвегию нейтральным и дружественным соседом и без промедления признал независимость молодого норвежского королевства «во всей его территориальной целостности».

Вскоре успехом завершились переговоры России и других великих держав с Норвегией о гарантиях ее территориальной целостности (интегритета). В Петербурге с удовлетворением встретили подписание в Кристиании в 1907 г. соответствующего договора. В основном положительно он был воспринят и норвежским обществом.

Особое значение для российской политики в Норвегии имел Шпицбергенский вопрос. В российском правительстве его рассматривали как важную составляющую проблемы безопасности арктических рубежей Русского Севера (побережья Мурмана, Белого моря и морского пути в Сибирь). При проведении в Кристиании серии предварительных Шпицбергенских конференций трёх северных государств

(1910 и 1912 гг.) российские дипломаты не без успеха играли на шведско-норвежских противоречиях и претендовали на ведущую роль России в международных органах регулирования правопорядка на архипелаге.

Однако большая конференция лета 1914 г. принесла разочарование. В результате открытой оппозиции проекту трёх (Российской империи, Швеции и Норвегии) со стороны Германии и США и скрытого нежелания английских делегатов поддержать Россию он не был утверждён. Продолжение переговоров перенесли на февраль 1915 г. В целом же Норвегия перед мировой войной в среде дипломатов по-прежнему считалась скучной провинцией.

Первая мировая война всё изменила. Она подняла значение Норвегии для России и её союзников по Антанте. Закрытие балтийских и черноморских проливов превратило северную европейскую страну в важнейший канал связи России с союзными и нейтральными странами и ключевое звено т. н. скандинавского транзита стратегически важных грузов. В России были востребованы и продукты собственной индустрии Норвегии: взрывчатые вещества, алюминий, ферросилиций, ледаколы. Приобретённые у норвежцев китобойные суда переоборудовали в минные тральщики. Верфи компании «Маритим» изготовили боевые моторные катера для Балтийского флота и Флотилии Северного Ледовитого океана. Материалы для строительства Мурманска — нового города и незамерзающего порта в Заполярье — частично поступали из Норвегии.

В феврале 1916 г. в Норвегию был командирован новый посланник К. Н. Гулькевич. Он решал задачу сближения России с Норвегией и завоевания симпатий норвежского общества. Его собственная либеральная политическая ориентация этому способствовала. Подкрепить желаемое политическое сближение двух стран было призвано оживившееся экономическое сотрудничество и рост новых бизнес-связей двух стран.

Гулькевич поддержал обращение группы крупных норвежских компаний в августе 1916 г. к российскому правительству с предложением капиталовложений. Он считал выгодным привлечь капиталы и технологии для преодоления отсталости Русского Севера и Сибири. В свою очередь, в деловом мире России во время войны наметилось движение в пользу альянса с норвежским крупным капиталом. По данным известного историка Т. М. Китаниной, крупнейший военно-промышленный концерн Путилова-Стахеова-Батолина готовился к масштабным послевоенным поставкам в Норвегию хлеба и леса. С его участием в 1917 г. в Петрограде был учреждён Русско-Норвежский банк. Октябрьская революция и Гражданская война этот прогресс в двусторонних экономических связях прервали.

Е. А. Орехова. (к. и. н., научный сотрудник Мурманского областного краеведческого музея) выступила с докладом «Колонии Мурманского берега —

близкие и дальние соседи». Автор отметила, что в исследовательской литературе рассматриваются различные аспекты и формы соседства северных регионов России, Норвегии и Финляндии и их влияние на развитие колонизации Мурманского берега в 1860–1940 гг. Термин «соседство» докладчик, опираясь на сведения различных словарей, определила как 'близость, смежность, сопредельность'. Именно такая близость трёх северных стран — России, Норвегии и Финляндии — повлияла на особенности и ход развития колонизации Мурманского берега. Это сказалось и на национальном составе колоний, и на особенностях заселения и хозяйственного освоения побережья.

Западный Мурман стал заселяться еще с 1860-х гг. и привлёк колонистов всех национальностей, но в дальнейшем здесь стали преобладать выходцы из Норвегии и Финляндии. В экономических связях он ориентировался на Норвегию, в то время как Восточный — на Архангельск. Это объяснимо, поскольку в 1860–1870-х гг. именно Норвегия могла предложить рынок сбыта, а также товары и услуги, недоступные на Кольском полуострове. Появление позднее «Архангельско-Мурманского срочного пароходства»¹⁷ связало побережья Белого и Баренцева морей и города Северной Норвегии с Архангельском. В результате возникла морская транспортная инфраструктура для перемещения людей и товаров, вложения капиталов в производство и торговлю и общего оживления хозяйственной жизни на Мурмане и в Беломорье.

Свобода передвижения между соседними странами имела две стороны. Без проблем могли перемещаться не только предприниматели, работники, легальные товары, но и контрабандисты. Любой, кто имел проблемы с законом или кредиторами, мог безнаказанно скрыться в соседней стране. Это вызывало подозрения в отношении соседей по обе стороны границы и нередко — заявления в прессе о притязании соседней страны на свои территории. Впрочем, по заключению докладчика, весь опыт колонизации Мурмана свидетельствует, что люди разных национальностей и вероисповеданий, несмотря на различия, были вполне способны договариваться и жить как добрые соседи.

А. К. Порцель, к. и. н., доцент МГТУ, назвал свой доклад «Шпицберген: просвет в «железном занавесе» времен холодной войны». В 1931 г. в СССР был создан государственный трест «Арктикуголь», который ведет добычу угля на Шпицбергене по сей день. Работа треста была прервана начавшейся в 1941 г. войной и возобновилась в 1948 г. Работали на архипелаге три советских рудника: Баренцбург, Грумант и Пирамида. В послевоенное время там постоянно жили и трудились около двух тысяч советских граждан (от двух до трёх тысяч в 1950-е гг.,

¹⁷ Основано в 1875 г.

от полутора до двух тысяч — в 1960–1980-е). Поскольку шахты «Арктикутля» находились на территории иностранного государства, контакты советских людей с норвежцами были неизбежны. Они не прекращались и в период «холодной войны» после 1945 г.

Отношения между советскими и норвежскими гражданами на Шпицбергене разворачивались на двух уровнях. Первый — контакты между официальными представителями двух государств на архипелаге: губернатор Свальбарда и его администрация, руководители советских и норвежских рудников, сотрудники консульства СССР и т. д. Второй — встречи рядовых граждан двух государств на архипелаге. В своём выступлении А. К. Порцель рассмотрел отношения второго уровня.

Во время «холодной войны», по мнению докладчика, наблюдалось несколько периодов охлаждения и потепления в отношениях советских и норвежских жителей Шпицбергена. В целом они соответствовали характеру отношений на межгосударственном уровне. Напряжённость прослеживается на рубеже 1940–1950-х гг. из-за вступления Норвегии в НАТО, в конце 1960-х — в связи с событиями в Чехословакии, на рубеже 1970–1980-х — под влиянием событий в Афганистане. Периоды потепления отношений заметны в первой половине 1960-х гг. в связи с визитом Н. С. Хрущева в Норвегию, а в середине 1970-х — благодаря разрядке, зафиксированной Хельсинкским процессом.

Задачи советских шахтёров на Шпицбергене определялись в партийных документах. Основным было, конечно, выполнение плановых заданий по добыче угля, но и о политической стороне дела не забывали. Инструктаж и объяснение правил поведения советских людей при общении с иностранцами проводились индивидуально с каждым, кто выезжал на Шпицберген. Руководители призывали работников к бдительности в условиях пребывания на территории капиталистического государства, члена организации НАТО. О встречах с иностранцами за пределами рудника необходимо было незамедлительно информировать консульство СССР на Шпицбергене и диспетчера рудника. Партийная и профорганизация рудников вели систематическую работу по воспитанию «революционной бдительности» советских полярников, обеспечению строгого сохранения ими государственных тайн.

Вместе с тем был налажен обмен поездками групп советских работников и норвежцев. В них участвовали рядовые граждане во главе с официальными лицами. Их сроки и программа согласовывались обеими сторонами заранее. Чаще всего эти визиты носили характер деловых встреч. Но и о политическом значении общения говорилось не раз. Например, консул Г. С. Барулин в выступлении на островной конференции в 1964 г. указывал: «Поскольку мы

находимся за границей, на виду у иностранцев, мы должны стремиться к тому, чтобы как наши предприятия, так и поселки служили как бы витринами всего хорошего, что есть у нас на Родине»¹⁸.

Имели место и текущие контакты между советскими и норвежскими гражданами. Они были связаны с работой радиостанции, ледакольной проводкой судов, работой аэропорта и т. п. Стороны шли навстречу просьбам соседей о помощи. Однако они крайне редко касались производственных дел.

Норвежские власти обращались к советской администрации чаще всего по поводу оказания медицинской помощи попавшим в беду гражданам своей страны и гражданам иных государств. Часто обращались норвежские рыбаки, охотники и туристы, попавшие в шторм или заблудившиеся в горах. Надо отметить, что в таких случаях всегда оказывалось необходимое содействие, хотя советские власти опасались шпионажа со стороны соседей.

В заключение А. К. Порцель сделал вывод, что хотя отношения двух стран на межгосударственном уровне не могли не отразиться и на отношениях между представителями СССР и Норвегии на Шпицбергене, всё же чётко проявлялись они преимущественно на уровне отношений официальных лиц. Влияние политического фактора на отношения рядовых граждан, по мнению автора доклада, прослеживается крайне слабо. В целом дружеские контакты и взаимопомощь стали нормой в отношениях между советскими и норвежскими жителями архипелага.

Урбан Врокберг, профессор Арктического университета Норвегии (Тромсё) привлёк внимание аудитории своим докладом “Nature and Cultural Heritage in Arctic Tourism — the case of Svalbard” («Природное и культурное наследие Арктически как объект туризма — на примере Свальбарда»). Автор обратил внимание участников конференции на тот факт, что Шпицберген / Свальбард лишь на первый взгляд представляет собой пустынное царство дикой природы. На самом деле архипелаг, будучи на протяжении веков перекрёстком встреч представителей разных народов, обладает богатым мультикультурным наследием. Многие из его реальных и потенциальных туристических объектов являются многослойными, сложными и чувствительными к воздействию человека. Поэтому Свальбард нуждается в профессионально подготовленных гидах, обученных на базе университетских исследовательских и учебных программ.

Многие туристы, полагает автор, хотя и могут участвовать в физически сложных, приключенческих походах в дикую природу Заполярья. Большинство

¹⁸ Протокол XVII островной профконференции советских угольных рудников на о. Шпицберген от 9 августа 1964 г.: Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 236. Л. 70, 71.

из них хотели бы сосредоточиться на каком-либо одном объекте или хобби. Например, на наблюдении за птицами. Другим туристам хотелось бы узнать, что популярная наука может рассказать о современных экологических проблемах Арктики.

На основе интервью с туристами, наблюдений их запросов и потребностей, а также изучения коммерчески устойчивых туристических программ, автор пришёл к предварительному выводу, что большинство полярных туристов естественным образом хотели бы иметь безопасные, удобные и умеренно сложные полевые поездки. При этом большинство предпочитает разнообразные экскурсии: они интересуются и природой, и культурой, и особенно историей, а также геоэкономикой и социальными условиями жизни на Заполярном Севере. Для успешного обучения гидов и проведения исследований в области туристического менеджмента на базе университетов необходимо это учитывать. Докладчик в ходе выступления использовал разнообразный и технически хорошо организованный мультимедийный иллюстративный ряд, вызвавший живой интерес слушателей. Следует отметить, что в САФУ подобная специализированная подготовка студентов ведётся уже несколько лет.

Выступление Пети Манковой (сотрудницы Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии) на тему «Социальная жизнь в иллюстративных материалах коллективной монографии “Сближение: Норвегия и Россия, 1814–1917”» позволило участникам конференции составить наглядное представление об увлекательных поисках и счастливых находках участника проекта. Перед ней как редактором-иллюстратором книги стояла непростая задача выявления и подбора изобразительного ряда для книги в российских и зарубежных источниках: библиотеках, музеях и архивах.

М. Б. Ильичёва, к. и. н., доцент МАГУ, в своём докладе попыталась показать широкие возможности использования учебного потенциала монографии «Сближение: Норвегия и Россия, 1814–1917» в вузовском преподавании истории Северной Европы. По её мнению, потребность в трудах, написанных с позиций современных научных подходов, очень велика в высшей школе. Книга предлагает преподавателю университета следующие возможности: комплексное рассмотрение истории отношений двух стран; особое внимание к Северу как историко-культурному феномену; разнообразие и широта освещения темы (рассматриваются и подталкивают к аналитическому сопоставлению разные сферы жизни норвежского и российского обществ, в том числе вопросы, недостаточно разработанные в отечественной науке).

М. Б. Ильичёва подчеркнула, что материалы издания освещают двусторонние отношения в широком контексте международной политики, прежде всего

европейской, предлагают читателю анализ представлений норвежцев и русских друг о друге, рисуют образ страны-соседа в динамике всего столетнего периода. Она считает исключительно важным то, что авторы коллективной монографии стремятся избежать односторонних оценок сложных проблем российско-норвежских связей, что иллюстрации в книге разнообразны и характеризуют различные стороны жизни наших стран, а в обобщающих главах показана эволюция историографических подходов учёных. По мнению докладчика, книга «Сближение» может служить универсальным инструментом для преподавателя в сферах истории и культуры, страноведения и политики Норвегии и России.

На заключительной сессии участники конференции подвели её итоги, отметили научную новизну, высокое качество представленных докладов и сообщений, выразили уверенность в том, что издание, которому конференция была посвящена, достойно самой высокой оценки. И они не ошиблись...

1 июня 2018 г. из Москвы пришла приятная новость: Ассоциация книгоиздателей России на своём съезде объявила результаты финального этапа конкурса на лучшую книгу 2017 г. Это исключительно солидное мероприятие. Оно проводится уже 27 лет. В 2017 г. на конкурс были заявлены более 600 книг от 150 издательств из 45 регионов Российской Федерации. Борьба шла в 13 номинациях. И вот, в номинации «Лучшее издание, вносящее вклад в диалог культур» победителем признана коллективная монография «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» под редакцией Й. П. Нильсена¹⁹.

В. А. Карелин
А. В. Репневский

¹⁹ Лучшая книга 2017 года в номинации «Лучшее издание, вносящее вклад в диалог культур» на конкурсе Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) // *Весь Мир*. Издательство [Электронный ресурс]. 02.06.2018. URL: <https://www.vesmirbooks.ru/news/3534/> (24.12.2018); 1 июня состоялась торжественная церемония награждения лауреатов конкурса «Лучшие книги года» // Ассоциация книгоиздателей России [Электронный ресурс]. 05.06.2018. URL: <http://www.aski.ru/ru/news/id-529/> (24.12.2018).